

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Г.Д. Гловели¹

Индустриализм и линии раскола в политической экономии²

Оптимисты: просветительские истоки либеральной политэкономии

Политическая экономия, занявшая к тому времени видное место в круге европейской образованности, появилась как новая дисциплина в университетах в самом начале XIX в. Её первым учебным изложением был «Трактат политической экономии» (1803) французского Ж.-Б. Сэя. Заглавие совпадало с забытым, почти двухвековой давности, сочинением Монкретьена де Ватвиля (Гловели, 2015: 74), но смысл поменялся на противоположный – обоснование не государственной активности в экономике, а напротив, — невмешательства в «естественные» экономические законы, в свободную торговлю и промышленное предпринимательство. Сэй был систематизатором и популяризатором идей Адама Смита, всеевропейски признанного «отцом» политической экономии, «сосредоточившим» её в подлинную науку (Степанов, 1844: LXXIV).

Трактат Смита «Богатство народов» к 1800 г. был переиздан уже 5 раз в Англии и столько же – во Франции, пере-

веден на все другие главные западные языки, а в 1802-1806 гг. – и на русский, и воспринимался как «догмат совершенной свободы торговой» и «руководство в созерцании государственных сил», по словам первого (и единственного) министра коммерции Российской империи, личного друга императора Александра I графа Н.П. Румянцева (Покровский, 1947: 160).

Смит и Сэй отвергли протекционистские (покровительственные и запрети-тельные) меры «меркантильной системы» по достижению активного торгового баланса как отягощающие население ростом налогового бремени; раскритиковали они и первую в истории школу «экономистов» — кружок физиократов во главе с доктором Ф. Кенэ – за слишком узкое (земледельческое) понимание производительного труда. Но внешние физиократами в экономическую мысль «натурализм и оптимизм» просветителей XVIII в.¹ в новой экономиче-

¹ Хотя современные адепты культа Смита разводят в разные стороны его «истинный индивидуализм» британской интеллектуальной традиции и «ложный индивидуализм» («картезианский раци-

¹ *Гловели Георгий Джемалович*, доктор экономических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», руководитель Центра методологических и историко-экономических исследований Института экономики РАН, Москва, Россия (ggloveli@hse.ru)

² *Ключевые слова:* индустриализм, классическая политическая экономия, либеральный оптимизм, английская ортодоксия, манчестерство, критическое направление, сен-симонизм, марксизм, историческая школа.

ской школе остались. Она прослыла по обе стороны Ла-Манша, а затем по всей Европе, «либеральной» — исповедующей «систему естественной свободы» (Gide C. & Rist C., 1909: 78, 107).

Физиократы, выразившие требование «естественного порядка» в хозяйстве формулой «laissez faire et laissez passer», входили в число авторов знаменитой «Энциклопедии» Французского Просвещения. Из той же «Энциклопедии» А. Смит взял отправной «булавочный» пункт своей «системы» политэкономии — описание мануфактурного эффекта разделения труда (Peaucelle, 2005: 506-507). Проводя различие между потребительной и меновой ценностью товаров, Смит критиковал физиократов, но всё же посчитал сельскохозяйственный труд наиболее (хотя и не исключительно) производительным. И потому приносящим, помимо зарплатного возмещения труда работников и прибыли на вложенный капитал, ещё и ренту владельцам земли. Сумму этих трёх слагаемых, обеспечивающих «нормальное вознаграждение» трёх факторов производства, Смит приравнял к «естественной цене», поместив её в центр «естественного порядка» вещей — свободной рыночной конкуренции с тем «грубым равенством» (rough equality), которое, не будучи вполне точным, достаточно всё же для обычных житейских дел (Smith, 1776: 37).

Заметим, что ни физиократы, оценившие превосходство крупного (фермерского) сельского хозяйства Англии над мелким крепостным французским, ни Смит, более масштабно исследовавший выгоды крупного производства, не добрались до сути структурных сдвигов в экономике (интенсификации производства), обеспечивших переход к

поступательному расширенному воспроизводству (Гловели, 2017: 39, 46). По-видимому, Смит не осознавал и революционизирующего внедрения машин, хотя и отметил, что их изготовление сделалось особым видом бизнеса. Ограничившись историческим анекдотом о подростке, якобы придумавшем самодействующий элемент в паровой машине² (Smith, 1776: 12), Смит не упоминал о тех реальных машинах, которые положили начало перевороту в хлопчатобумажной, энергетической и других отраслях. Нападая на старые гильдейско-правительственные стеснения свободы торговли и промышленности (статуты, монополии, привилегии, тарифы и т.д.), просветитель-оптимист не видел угрозы вытеснения работников машинами из меняющихся структур конкурентного промышленного производства.

Зато смитовское учение стало посредником между утончёнными размышлениями философов-просветителей над свойствами человеческой природы и **грубым равенством** денежных сделок, частной торгово-промышленной предприимчивости, свободной конкуренции крупных предприятий. Сэй же окрасил просветительский оптимизм Смита в трёхцветье «гармонической» концепции факторных доходов. Согласно ей, реализация продукта при свободной конкуренции по «естественной цене» бесконфликтно обеспечивает свою долю вознаграждения владельцу каждого из трёх факторов производства: заработную плату — рабочему, среднюю прибыль на капитал — нанимателю, ренту — земельному собственнику.

Сэй, в отличие от философа Смита, 8 лет на практике занимался промыш-

онализму) Французского Просвещения (энциклопедисты, физиократы, Руссо) (Хайек Ф., 2011: 4-5).

² В других источниках фигурирует имя этого мальчика — Гемфри Поттер (см: (Бармин, 1931)).

ленным предпринимательством, организовав на берегу Па-де-Кале крупную хлопчатобумажную фабрику с новейшим английским оборудованием (Марков, 1929: 83-84). Понимание растущей роли машин отразилось в новых изданиях «Трактата» Сэя, а затем в его первом во Франции курсе политической экономии, позже разросшемся до печатного 6-томника.

В развитие идей Смита Сэй разделил промышленные операции на 3 действия, распределенные между разными общественными группами. Учёные *накапливают знания* о законах природы; предприниматели, владельцы земли и капитала, за свой счёт и на свой риск организуют *приложение* этих знаний для производства полезных продуктов; рабочие исполняют указания двух первых групп (Сэй, 1896: 16-17). Результаты рыночной конкуренции в промышленности Сэй сводил к влиянию индивидуальных способностей предпринимателей на распределение богатств. «Предприниматель умный, деятельный, человек знаний и порядка, приобретает богатство, между тем как другой, не одарённый такими качествами или натолкнувшийся на слишком неблагоприятные обстоятельства, разоряется» (Марков, 1929: 87). То, что оснащённое машинами крупное производство делало неконкурентоспособными и опускало до состояния *пауперов* разоряемых мелких производителей, а неудачи крупных фабрик, особенно из-за колебаний рыночного спроса, лишали *промышленных пролетариев* рабочих мест и тем самым источников существования, оптимизма Сэя не поколебало. Он настаивал, что уменьшение потребности в рабочих ввиду внедрения в какую-либо отрасль машин – лишь «временные неудобства», компенсируемые большим распространением производимых про-

дуктов, что «не замедлит занять большее число рабочих, чем прежде» (Сэй, 1896: 38-39).

Натуралистическую и оптимистическую точку зрения на «спонтанное» экономическое устройство Сэй завершал «теорией сбыта» — о том, что каждый продукт, произведенный свободной промышленной конкуренцией, «открывает собой сбыт для других продуктов на полную сумму своей ценности». Этим законом Сэй отмахивался от проблемы *перепроизводства товаров*, считая кризисы явлениями сугубо «проходящими» и страхи «общего перегрузения рынков» — напрасными (Gide C. & Rist C., 1909: 133-134). Зато на «меркантильную систему» Сэй обрушивался не только за вред для промышленной конкуренции, но и за военное кровопролитие. Крушение бонапартовской империи было для Сэя поражением «военного режима, который присвоил себе право истощать все источники народного благосостояния» (Сэй, 1896: 107), тогда как Англия силой свободной конкуренции — и вопреки наполеоновской континентальной блокаде — опередила в экономическом росте весь «цивилизованный мир» (Сэй, 1896: 10).

Явное промышленное превосходство Великобритании над остальными европейскими «великими» и прочими державами после Ватерлоо стало наглядным аргументом в пользу *экономического либерализма*. Устами Сэя, либеральная, или смитианская, школа утверждала тождественность «правил, которыми руководствуется управление частным богатством, и правил, которыми должно руководствоваться управление общественным достоянием» (Сэй, 1896: 104). Но оказалось, что трёхфакторная смито-сэевская формула «естественной цены» лучше всего служила интересам не классов, занятых в быстро

растущем крупном машинном производстве, а британской аристократии, за десятилетия антифранцузских («революционных и наполеоновских») коалиционных войн (1792-1815 гг.) получавшей наибольшие в истории доходы от земельной ренты.

А. Смит, среди прочего, критиковал поощрение *вывоза зерна* из Англии, прославившей страной, богатой хлебом и образцовой в полеводстве. Но в последней четверти XVIII в. она стала испытывать недостаток хлеба, сокращение пахотной площади и потребность во всё более растущем импорте зерна (Манту, 1937: 138). На следующий год после смерти А. Смита (1791) аристократический британский парламент установил жёсткие ограничения на *ввоз зерна* — Хлебные³ законы. Они вздували хлебные цены на внутреннем рынке, что приносило высокие рентные доходы землевладельцам. Тогда как заработная плата рабочих если и росла, то гораздо менее быстро: её сбивало вливание в ряды наёмных работников мелких производителей, разорённых внедрением машин в текстильной промышленности. Кроме того, состояние войны не раз сопровождалось кризисами сбыта фабричных тканей, влекущими сокращение производства и, соответственно, рабочих мест. В «прядильно-ткацком» графстве Ланкашир и в других районах группы отчаявшихся рабочих-«луддитов» совершали нападения на хлопчатобумажные фабрики, разрушая машины и станки.

Аристократы провели парламентский билль о наказании луддитов вплоть до повешения; несколько десятков человек было казнено (1813). Затем были устранены последние остатки гильдейского регулирования промыш-

ленности, обеспечивавшего гарантированный заработок ремесленным мастерам и рабочим (1814). А победное окончание войны привело к новому кризису сбыта (1815), сбившему цены и на промышленные товары английских фабрикантов (уже не нужные в таком количестве европейским армиям), и на зерно лендлордов. Парламент ответил на это переутверждением Хлебных законов.

Пессимисты: «ортодоксальная» английская политэкономия и её критики

В Англии, достигшей мирового флотско-коммерческого и индустриального превосходства, незамеченной прошла книга пожилого лондонского врача Ч. Холла «Влияние цивилизации на народы в европейских государствах» (1805). Автор, по роду занятий тесно соприкоснувшийся с нуждой пролетариев и пауперов, вызванной нововведениями в промышленности, сделал вывод о противоположности интересов бедных и богатых. Право частной собственности обеспечивает последним нетрудовой доход — присвоение в виде земельной ренты или прибыли 7/8 или 9/10 продукта, созданного трудом первых, а рабочие вынуждены задешево продавать свой труд, так как наличие массы безработных понижает заработную плату (Семенов, 1999: 180-181).

Если критика безвестным врачом крупной земельной собственности и чрезмерного промышленного производства предметов роскоши и его утопические надежды на «совершенное общество» мелких собственников не привлекли внимания публики, то «Замечания о влиянии фабричной системы» (1815) успешного бизнесмена Роберта Оуэна из города Ланарка имели национальный и даже всеевропейский резонанс. Управляющий одной из круп-

³ Точнее — «Зерновые» (Corn Laws).

нейших текстильных фабрик страны практически доказал возможность совмещения высокой производительности и прибыльности с гуманным обращением с рабочими, установив 10-часовой рабочий день, создав пристойные условия быта для своих рабочих и ликвидировав пьянство и хулиганство среди них. Общественное мнение Англии умилялось достижениям фабриканта-филантропа, но взбаламутилось, когда тот потребовал парламентских актов, распространивших бы его опыт в национальном масштабе: ограничение рабочего дня 12 часами с 1,5-часовым перерывом, запрещение труда детей моложе 10 лет и введение обязательного начального образования (Милютин, 1847: 55). Оуэн прямо заявлял, что «машины должны быть подчинены труду, а не служить для его вытеснения» (Рязанов, 1922: 11), и критиковал доктрину невмешательства. Реакцией на предложения социальных реформ стала травля великого менеджера.

Бросил вызов имущим классам и гениальный поэт Перси Шелли, гневным голосом поддержавший протест рабочих против условий их существования:

Тот, кто ценой обмана и позора
Богатым стал, — кем загнан был дру-
гой,
Тот может быть ограблен — как мы с
вора
Снимаем платье, чтобы он для взора
Предстал в своём бесчестии, нагой
(Шелли, 1903: 68).

С либеральной политэкономии слетел флёр смито-сэвского оптимизма. Два ведущих послесмитовских теоретика «естественного порядка» — бывший пастор Т. Р. Мальтус, первый в Англии профессор политэкономии, и бывший биржевой делец Д. Рикардо, купивший себе место в парламенте (палате общин), — весьма мрачно смотрели

на социальные последствия «естественных законов» чрезмерного размножения людей и «убывающего плодородия почвы» (Gide C. & Rist C., 1909: 136-189), (Хайлбронер, 2008: 93-131).

Преподобный Мальтус считал себя «учеником» А. Смита. Но отвергал оптимизм Просвещения, равно как и библейскую сентенцию «плодитесь и размножайтесь». Его скандальный «Опыт о народонаселении» (1798; в 1817 — уже 4-е изд.) стал самым издаваемым экономическим трактатом после «Богатства народов». По Мальтусу, «естественный порядок» состоит в покупке «права на собственное существование» продажей своей рабочей силы на рынке, и от природы не любой человек имеет такое право. Отсюда выводится невмешательство в «естественную» бедность, так как правительственное или иное вмешательство либо повышение доходов наёмного труда якобы лишь увеличивает неблагоприятие рабочих в размножении.

Но одно вмешательство в «естественный порядок» Мальтус допускал и приветствовал — те самые Хлебные законы, вздувавшие ренту. Рента, по мнению преподобия, — это «естественный результат свойства, данного богом земле»; три института — брака, частной собственности и ренты — существуют для того, чтобы задерживать рост народонаселения и предоставлять «изящному обществу» возможность создавать культурные блага (Миклашевский, 1909: 220).

С противоположными аргументами о «хлебном» законодательстве и земельной ренте выступил Рикардо. Он доказывал, что рента — следствие не щедрости, но скупости земли, и незаслуженно достающийся собственникам земли избыток над «естественной ценой» товара. А Хлебные законы, искус-

ственно его увеличивая, тем самым уменьшают норму капиталистической прибыли и препятствуют необходимому для промышленного роста накоплению капитала. Но насчёт «естественных законов» народонаселения и «убывающего плодородия почвы» Рикардо с Мальтусом полностью соглашался. И тоже был против вмешательства в «естественный» рынок труда, считая, что повышение зарплаты рабочих выше прожиточного минимума повлечёт чрезмерное размножение, которое в итоге всё равно снизит зарплату. Более того, заостряя свои теоретические концепции против лендлордов-рентополучателей, Рикардо полагал, что неизбежным следствием перенаселения и убывающей отдачи от земли будет необходимость возделывать всё более худшие участки и уплачивать собственникам относительно лучших земель всё более высокую дифференциальную ренту, а рабочим — всё более высокую (но не реально, а лишь номинально) заработную плату. Следствием будет всё большее снижение нормы прибыли, грозящее подрывом накопления капитала и экономическим застоём («стационарным состоянием»).

Как член парламента Рикардо принял участие в рассмотрении проектов Р. Оуэна, заметив по этому поводу: «Может ли какой-нибудь рассудительный человек верить вместе с Оуэном, что проектируемое им общество будет процветать и производить больше, чем производило бы равное количество людей, если стимулом их явится не личный интерес, а благо общества? Разве опыт веков не говорит решительно против него?» (цит. по (Рязанов, 1922: 15)). Но, обнажив своей теорией ренты острый конфликт в распределении доходов между классами, Рикардо отказался от идеи «гармонии» между ин-

тересами индивида, преследующего цель частной выгоды, и интересами общества. В главе «О машинах», включённой в переиздания главного труда Рикардо «Начала политической экономии и налогообложения» (1819, 1821), признавалось, что внедрение машин — та же самая причина, которая увеличивает чистый доход страны, — может вызвать избыток населения и ухудшить положение рабочих. Своему эпигону Маккуллоху Рикардо писал, что «в вопросе о машинах интересы предпринимателей и рабочих сталкиваются очень часто... я оспариваю, что мы в состоянии найти занятие для всех рабочих, которые вытесняются машиной» (цит. по (Рязанов, 1922: 19-20)). Но Маккуллох и прочие эпигоны-рикардианцы вплоть до автора «Оснований политической экономии» (1848) Дж. Ст. Милля остались на позициях «теории компенсации относительно рабочих, вытесняемых машинами» (Маркс, 1988: 448).

Рикардо сыграл тройную роль в истории политэкономии. Он возглавил тех, кто вывел политэкономические дебаты на широкую почву парламентских прений. Основанный с участием Рикардо лондонский Клуб политической экономии превратился в «мозговую центр» поборников политики свободной торговли — фритредеров. Их позиции усилились после британской парламентской реформы 1832 г.; на аргументы уже покойного Рикардо опирались новые депутаты, основавшие Лигу против Хлебных законов во главе с Р. Кобденом — фабрикантом из Манчестера, крупнейшего центра британской текстильной промышленности и станкостроения. Лига сделала французскую формулу «laissez faire, laissez passer» международным лозунгом — «альфой и омегой нынешней политической экономии» (Милютин, 1847: 10), а за сторонниками

фритредерской экономической политики как практического выражения смитианства и рикардианства закрепилось обозначение «манчестерской школы».

После смерти учителя Маккулох поспешил отождествить с теоретической системой Рикардо научную политэкономиию как таковую; но «Начала политической экономии и налогообложения» стали образцом как мощи, так и односторонности абстрактно-дедуктивного метода, отождествляемого именно с *английской* «ортодоксальной школой политэкономов» (Ингрэм, 1897: 193-194). Более того, в «символе веры» этой школы культ Рикардо соединился с учением Мальтуса о народонаселении, что вызвало порицание ортодоксии за холодную безучастность к судьбе работников (Blanqui, 1837: 250).

Наконец, развитая Рикардо в уточнение концепций Смита и в видах борьбы с Хлебными законами трудовая теория ценности оплодотворила *критику* рядом британских авторов «некоторых ходячих мнений в области политической экономии». Эти авторы требовали «защиты труда против притязаний капитала» (Т. Годскин) и права рабочего на «полный продукт» его труда (Ф. Брей). Они приходили к выводу, что вследствие сделок собственников земли и капитала с рабочими в ходе свободной конкуренции происходят «вычеты из продукта труда», лишаящие рабочего большей части создаваемого им богатства (Кулишер, 1908: 173-174). Оуэнист У. Томпсон назвал эти вычеты, или основную часть продукта труда производительного класса, присваиваемую несообразно вкладу классами непродизводительными, «прибавочной ценностью» (*surplus value*).

Таким образом, вопреки «гармоническим» толкованиям «школы либерального оптимизма» классовый под-

ход и трудовая теория ценности Рикардо вели к выводу о *противоположности экономических интересов основных классов общества*, сформированного промышленным переворотом.

Критическое, или социальное начало в политэкономии: Сисмонди

Члены «Клуба политической экономии», в который Рикардо пригласил Сэя, были знакомы и с другим французским (точнее, франко-швейцарским) экономистом – Ж.Ш.Л. Сисмондом де Сисмонди. Но остались совершенно чуждыми идеям, высказанным им в книге «Новые начала политической экономии, или о богатстве в его отношении к народонаселению» (1819), и подвергли её разгромной критике.

Сисмонди происходил из главного торгово-промышленного города Франции Лиона. В молодости был завсегдатаем женевского салона писателей Ж. де Сталь и Б. Констана, зачинателей французского *политического либерализма*. В политэкономии начинал как правоверный смитианец (трактат «О коммерческом богатстве и принципах политической экономии», 1803); в качестве такового упоминался в курсе, прочитанном в Санкт-Петербурге первым российским политэкономом-академиком А.К. Шторхом великим князьям Николаю (будущему царю Николаю I) и Михаилу. В 1826 г. А.С. Пушкин, составляя для Николая I записку «О народном образовании», предлагал для улучшения образования молодых дворян преподавать «политическую экономию по новейшей системе Сея и Сисмонди» (Пушкин, 1977: 331). Однако, во-первых, самодержавный фельдфебель, любимой книгой которого был прусский военный устав, отнюдь не стал сторонником торгово-промышленной свободы, оставив ключевой пост министра финансов

за консерватором-камералистом Е. Канкриным. А, во-вторых, к тому времени два француза воплощали уже *раскол в либеральной политэкономии*.

«Гармонист» Сэй, получивший место во Французской академии, остался апологетом неограниченной конкуренции, по-прежнему не придавал значения рождённым ею кризисам сбыта промышленных товаров, — в убеждении, что спрос следует за предложением (Сэй, 1896: 49). Сисмонди же доказывал неизбежность нарушения равновесия между предложением и спросом, кризисов сбыта и колебаний спроса на труд, выбрасывающих рабочих на мостовую.

Порождаемое конкуренцией внедрение машин лишало дохода мелких производителей и рабочих-мужчин, заменяемых женщинами и детьми, оплачиваемыми гораздо ниже за простые операции при механизированных станках. Следствие всего этого — не только «бич нищества» (Сисмонди, 1937: 148), но и сужение внутреннего рынка для производимых крупной промышленностью товаров.

Наблюдая в Англии «невероятные страдания» промышленных рабочих из-за кризиса сбыта (1818), Сисмонди отверг идею «гармонии» интересов по мере того, как конкуренция становится более свободной. «Прибыль работодателя есть не что иное, как грабеж рабочего»; «каждый хозяин старается... снизить заработную плату и перебросить на общество бремя забот о бедных, чтобы получить дополнительную прибыль» (Сисмонди, 1937: 238). Пориция Рикардо и Сэя за изолирование экономических принципов от социальной среды, игнорирование исторических институтов и политического строя, Сисмонди указал на превращение либеральной политэкономии в подобие «хрема-

тики» («науки о стяжании») Аристотеля, в «хрематистическую школу», которая восхваляет конкурентное расширение промышленного производства и концентрацию богатства безотносительно к благосостоянию масс.

Разочаровавшись в «ортодоксальном» подходе к предмету и методу политэкономии, Сисмонди призывал превратить её в «теорию благотворительности», обосновать правительственное вмешательство ради того, чтобы «силами всех защищать каждого от обид со стороны другого», отличать общий интерес от частного интереса, идущего ради выгоды на изнеможение работников за возможно более низкую цену, и не позволять частному интересу «узурпировать блага ближнего» (Сисмонди, 1937: 162-163).

Свой вывод о неизбежности *общего перепроизводства* при капиталистической конкуренции Сисмонди достаточно аргументировать не сумел. И был высмеян Сэем и эпигонами Рикардо. В лучшем случае женевского политэкономиста признавали «историком печальной и преходящей стороны новейшего промышленного развития» (Blanqui, 1837: 270). Хотя правоту сисмондистской критики подтвердили промышленные кризисы 1825 и 1836 гг., побудившие бывшего либерала выпустить новую книгу «Этюды политической экономики» (1837). К тому времени во Франции уже появилось слово «социализм»; в родном городе Сисмонди Лионе ухудшение положения рабочих вследствие внедрения машин спровоцировало два восстания ткачей под лозунгом «Жить, работая, или умереть, сражаясь». Но от «неблагоразумной смелости» социалистов Сисмонди отмежевался (Сисмонди, 1936: 239). Он возлагал надежды на законодательство, позволившее бы медленно, но безостановочно при-

влекать рабочих к пользованию благами собственности и приобретению уверенности в обеспечении семьи; взаимодействие некоторых черт старой гильдейской системы и поддержку «патриархального земледелия предпочтительно перед всяким другим» (Сисмонди, 1936: 164-165).

Хотя сам Сисмонди гамлетически признавался в неверии в действенность предлагаемых им «робких средств» вспомоществования слабым (включая наивный призыв к учёным «приостановиться с изобретениями»), он расшатывал самодовольный «либерализм *laissez faire*» и не остался без последователей (Вильнев-Бражмон, Э. Бюрэ),

возвышавших во Франции голос в защиту классов, обойдённых индустриальным прогрессом (Gide C. & Rist C., 1909: 229). Потерпев неудачу в придании «новых начал» политической экономики в целом, Сисмонди стал все же зачинателем новой — *критической*, или *социальной* — школы в политэкономии.

Истоки формационной политэкономии: сен-симонизм

1819 — год раскола экономического либерализма между Сисмонди и школами Сэя и Рикардо. Но в том же году уже прослышавший пророком индустриализма глашатай «новой науки о человеке», бывший французский аристократ и революционный спекулянт-нувориш А. де Сен-Симон наделал шуму своей «притчей» («Параболой») в сборнике «Организатор» (октябрь 1819). На тот момент Сен-Симон снискал покровительство главного управляющего Французским банком Ж. Лаффита и крупнейшего текстильного фабриканта страны Л. Терно. Хор рабочих одной из фабрик Терно даже исполнил «Гимн Индустрии», сочинённый по просьбе Сен-Симона знаменитым автором «Марсельезы» Руже

де Лилем (Левандовский, 1973: 191-194). Сен-Симон проповедовал историческую миссию «класса индустриалов», внушая учёным и руководителям промышленных работ цель скорейшего улучшения «состояния наиболее многочисленного класса» на основе прогресса наук (Сен-Симон, 1923: 214).

Индустриальное миссионерство Сен-Симон выводил из своей историософии, подчеркивавшей законосообразность замещения военно-теократического «старого порядка» новым научно-промышленным обществом через ряд политических и научных революций, начиная с освобождения городов-коммун из-под власти феодалных сеньоров, которое «проложило путь индустриальным способностям, ибо оно создало для них социальное бытие, независимое от военных властей» (Вольский, 1930: 98).

Концепция прогресса Сен-Симона была развита его учениками (хотя и порвавшими с наставником) — О. Тьерри, историком классовой борьбы и «коммунальных революций» в Европе, и философом О. Контом, положившим идею противоположности «военного» и «промышленного» обществ в основу новой науки — социологии. Указанную противоположность подчёркивал и Ж.Б. Сэй, схожий с Сен-Симоном в различении исследований, изобретений и трудового исполнения⁴, и, возможно, ещё ранее Сен-Симона использовавший термин «индустриализм», но чуждый идее планового руководства промышленной системой учёными, инженерами и руководителями предприятий.

Эту идею систематизировали ученики Сен-Симона, связанные с па-

⁴ Среди утопических идей Сен-Симона был проект создания европейского парламента с тремя палатами: исследований, изобретений и исполнения (Вольский, 1930: 103-105).

рижской Политехнической школой и банковскими кругами. Сисмонди сен-симонистскую «новую школу политической экономики» критиковал наряду со школами Рикардо и Сэя и характеризовал так:

«Школа г. де Сен-Симона... с её экзальтированным представлением о силах индустрии усматривала в более быстром росте богатства и в применении науки к производству проявление какой-то сверхчеловеческой силы в человеке; она провозгласила индустриалов, производителей новыми хозяевами мира и предложила передать всю политическую власть в государстве тем, кого индустрия поставит во главе новой олигархии» (Сисмонди, 1937: 179).

Сен-симонисты вносили в критическое направление в политической экономике отсутствовавший у Сисмонди оптимизм, но это был оптимизм иного рода, чем смито-сэвский либерализм. Учитель завещал «Новое христианство» как проповедь поступательного развития человечества через прогресс знаний и организации к «золотому веку», который находится не в прошлом, а будущем. Ученики обосновали «прогрессивную историю человечества»: изменение отношений собственности; «убывание антагонизма и возрастание ассоциации»; ступени смягчения «эксплуатации человека человеком» и итоговое устранение её в научно-планируемом промышленном обществе, где право завоевания и право наследования собственности будут заменены принципом «каждому по его способности, каждой способности по её делам» (Изложение учения Сен-Симона, 1961: 110-111).

Но, хотя главным систематизатором учения Сен-Симона был карбонарий С.-А. Базар, доктрина рассчитывала на действия скорее высших «организаторских», нежели трудо-

вых исполнительских классов, в приближении к идеалу, который именно сен-симонисты впервые стали называть «социализмом». Слово быстро распространилось по Европе. Одновременно в естественных науках, действенность применения выводов которых к анализу общества горячо доказывал Сен-Симон, появилось понятие «*формация*» (в геологии), которому было суждено прочно соединиться с взращённой сен-симонистской политэкономией идеей закономерной смены стадий общественного развития.

К. Маркс о классической политической экономике

Понятие «общественной формации» было введено К. Марксом после многолетнего изучения политической экономики и обоснования *классовой борьбы*. Ещё в 1847 г., опираясь на анализ промышленного переворота в книге Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», Маркс подчеркнул *антагонизм* экономических интересов основных классов индустриального общества — буржуазии и пролетариата. Новый кризис промышленного перепроизводства, разразившийся в 1847 г., перекинулся из Англии на всю часть Европы, и подогнал волну «континентальной революции» — «весны народов» (Хобсбаум, 1999: 16-40). На гребне этой волны появился «Коммунистический Манифест» Маркса и Энгельса. Авторы указали на торгово-промышленные кризисы («эпидемии перепроизводства») как на выражение возмущения «современных производительных сил против современных отношений собственности, которые являются условием существования буржуазии и её господства» (Маркс, Энгельс, 2007: 54).

Маркс и Энгельс определили своё отношение к Сисмонди, главе «мелкобуржуазного социализма» во Франции и в Англии, а также к «критически-утопическому социализму» Сен-Симона, Оуэна и т.д. Сисмонди «прекрасно умел подметить противоречия в современных производственных отношениях»⁵. Но его положительный идеал увяз в прошлом, в цеховой организации промышленности и патриархальном сельском хозяйстве. Сен-симонисты же и другие социалисты-утописты переносили идеал в будущее, но заслоняли «развитие классового антагонизма» фантастическими описаниями будущего общества по придуманным рецептам (Маркс, Энгельс, 2007: 85).

Годы до следующего кризиса промышленного перепроизводства (1857-1858 гг.), оказавшегося уже *мировым*, Маркс посвятил критической переработке политэкономии. Он и Энгельс полагали, что этот кризис «подогреет» массы населения, и европейский пролетариат нанесёт по буржуазии удар «с большим знанием дела и более согласованно»

(Маркс, Энгельс, 1962: 171). Вывод был поспешным, но после кризиса Маркс опубликовал работу «К критике политической экономии» (1859), где во введении резюмировал основы материалистического (формационного) понимания истории как диалектики производительных сил и общественных отношений.

⁵ «Он разоблачил лицемерную апологетику экономистов. Он неопровержимо доказал разрушительное действие машинного производства и разделения труда, концентрацию капиталов и землевладения, перепроизводство, кризисы, неизбежную гибель мелких буржуа и крестьян, нищету пролетариата, анархию производства, вопиющее неравенство в распределении богатства» (Маркс, Энгельс, 2007: 78).

В самой же работе Маркс доводил классовый подход к анализу индустриального общества до теории прибавочной стоимости на основе концепции двойственного характера труда. И здесь же Маркс вводил понятие *классической политической экономии*, относя её истоки к сочинениям У. Петти в Англии и П.Л. де Бугильбера во Франции, а завершение – к исследованиям Рикардо в Англии и Сисмонди во Франции. Попутно был высмеян «принц науки» Сэй за «идею о метафизическом равновесии между покупками и продажами» (Маркс, 1959: 39, 41).

Это понимание классической политической экономии, в котором не было место для Сэя, а также для Мальтуса и других «вульгарных экономистов», включая германских, перешло в главный труд Маркса «Капитал. Критика политической экономии», где политэкономия индустриального общества (капиталистического способа производства) была переосмыслена на основе диалектического метода и материалистического понимания истории.

Маркс уточнил, что к классической политической экономии он относит авторов, которые исследовали внутренние зависимости капиталистического способа производства (Маркс, 1988: 91). «Красной нитью» английской классической политэкономии для Маркса стала трудовая теория ценности (стоимости) (Маркс, Энгельс 1962: 257). Французской – анализ (от Бугильбера до Сисмонди) противоречий капиталистического *воспроизводства*, неизбежных (вопреки Сэю) и требующих для своего разрешения периодических промышленных кризисов – насильственного восстановления равновесия между спросом и предложением, пропорций между производством и потреблением. Маркс соглашался с «завершителями»

классической политэкономии (Рикардо и Сисмонди) в том, что промышленное общество дисгармонично, раздираемо классовым неравенством и экономическими противоречиями. Но собственный анализ Маркса (полемически заостренный и против «гармонического» оптимизма фритредеров, и против исторического пессимизма и романтизма) был направлен на доказательство «исторической тенденции капиталистического накопления» к пролетарскому восстанию. «Народной массе предстоит экспроприировать немногих узурпаторов», чтобы сбросить «оковы» буржуазных производственных отношений с переросших эти отношения производительных сил. (Маркс, 1988: 773).

Ограниченность классической политэкономии и причины её «разложения» Маркс усматривал в том, что буржуазный способ производства рассматривался в ней как «вечная естественная форма общества» (Маркс, 1988: 91). Для самого Маркса все экономические категории и институты были явлениями не только историческими, т.е. возникающими и существующими лишь при известных условиях, но и эволюционными, проходящими несколько различных фаз развития. Так были проанализированы в 1 томе «Капитала» форма стоимости и функции денег, стадии исторического развития промышленности (мануфактура – фабричное машинное производство) как фазы роста производительных сил и одновременно извлечения абсолютной и относительной прибавочной стоимости.

«Экономический материализм» и школы в политэкономии и социологии

Эволюционный подход Маркс развивал под воздействием не только диалектической школы немецкой класси-

ческой философии, но и открытий в науках о природе и человеке (естественный отбор; «века» камня и металлов), а также утопического социализма (особенно Сен-Симона и Оуэна). Напротив, сугубая антипатия к «дрянному позитивизму» Конта привела к тому, что Маркс никогда не использовал термин «социология». Но это не помешало рассматривать (нередко упрощенчески) материалистическое понимание истории как особую социологическую школу, или теорию социологического воздействия экономической среды, — как последователям Маркса (Филиппов, 1897), (Богданов, 1906: 38), так и буржуазным профессорам, не согласным с «экономическим материализмом» (Кареев, 1900: 79), (Хвостов, 1917: 300).

Произошёл сдвиг и в оценке учения Маркса «исторической», или «историко-этической» школой в политэкономии, зачинателей которой сам Маркс относил к «вульгарной буржуазной» политэкономии, а они его игнорировали. Новая («молодая») университетская «историческая» школа в политэкономии с ветвью «социал-политики» оформилась уже в единой имперской Германии (сколоченной О. Бисмарком), и её глава Г. Шмоллер добился, чтобы к преподаванию политэкономии не допускали ни марксистов, ни «чистых учеников Смита» (т.е. фритредеров). Однако часть учеников Шмоллера признала вклад Маркса и Энгельса в анализ влияния экономических факторов на социальную и политическую жизнь, раскрытие конфликтов капиталистического способа производства и выражение интересов рабочего класса. «Новая историческая» школа приняла брошенное в её адрес определение «катедер-социализм» и позиционировала себя как буржуазно-реформаторское направление в политэкономии: стремя-

щееся смягчить классовые противоречия индустриального общества, отвергающее как революционный социализм, так и принцип *laissez faire* (манчестерство), а также «перпетуализм» (антиисторизм) и «космополитизм» рикардianских абстракций и эгоистическую утилитаристскую этику «экономического человека».

«Новая историческая» школа в политэкономии оказала значительное влияние на «прикладное обществоведение» послекрепостнической России, увлекшееся «исторической и социально-политической точкой зрения» (Миклашевский, 1909: 467, 562). Для российских, равно как и германских университетских политэкономов особый интерес (Чупров, 1918: 206) представляло проведённое Марксом и особо подчеркнутое в предисловии к английскому переводу 1 тома «Капитала» Энгельсом различие между мануфактурным периодом и собственно индустриальным (фабричным), основанным на применении машин, периодами экономической истории⁶.

Большое внимание, уделяемое «исторической» школой переоценке экономических доктрин прошлого и критике либеральной ортодоксии, способствовало широкому распространению понятия «классическая политэкономия», или (чаще) «классическая школа». Но в принципиально отличном от марксовского смысле: с включением Мальтуса, французской «школы Сэя», эпигонов-рикардianцев и Дж. Ст. Милля (Левитский, 1914: 338-392), но без Петти, Буагильбера, физиократов и Сисмонди.

Подобную трактовку, тяготеющую к отождествлению классической школы политической экономии с теоретическим обоснованием фритредерской экономической политики (Соболев, 1898: 309), закрепила т.н. «маржиналистская революция» в экономической теории, воспринятая поначалу как «мнимое возрождение классической школы» (Gide C. & Rist C., 1909: 592). Новые приверженцы «самопроизвольного» порядка капиталистической конкуренции начали пересмотр смитианско-рикардianской теории ценности и распределения, основанный на категории предельной («финальной») полезности и выдвигая на первый план проблематику широкого потребления и торговой спекуляции (Зелигман, 1908: 107). В противовес «историческому методу» новые школы возвращались к отправному пункту одномотивного схематического «экономического человека», оставляя другим общественным наукам другие стимулы человеческой деятельности, а для политической экономии требуя статуса «точной» науки, основанной не только на изолирующих абстракциях («робинзонадах»), но и на математическом аппарате. Это привело к построению «чистой политической экономии» и «математической экономии», довольно быстрой замене в английских и североамериканских курсах «political economy» на «economics» (по аналогии с «mathematics», «mechanics» и «physics»), а затем – к обобщению новой «экономии» понятием «неоклассика».

Новые школы озадачивали «разнообразием позиций, принятых по отношению к основным догматам классической политической экономии», но при этом зарекомендовали себя как «эффективное интеллектуальное оружие против Маркса» (Блауг, 1994: 287). Ве-

⁶ Ещё до Маркса логическое и историческое разграничение между мануфактурой и фабрикой (системой машин) было чётко проведено (1861) русским политэкономом А. Корсаком, но его трактат прошёл почти незамеченным и был оценен лишь на рубеже XIX и XX веков (Гловели, 2011: 71, 75-78).

дущие теоретики «венской» («австрийской») и «лозаннской» маржиналистских школ Э. Бём-Баверк и В. Парето написали специальные полемические труды против теории прибавочной стоимости Маркса и «социалистических систем», а игнорировавший марксизм кембриджский «синтезатор» А. Маршалл «осуществил примирение» между теорией предельной полезности и английской либеральной традицией А. Смита – Д. Рикардо – Дж. Ст. Милля. Добавление же чикагским экономистом Дж. Б. Кларком к теории предельной полезности теории предельной производительности, с одной стороны, позволило трактовать маржинализм как расширенное применение теории ренты Рикардо («закон убывающей предельной производительности переменного фактора производства»); с другой стороны, восстановило на новом уровне «гармоническую» концепцию Сэя: рыночный механизм обеспечивает каждому фактору доход, который отвечает требованиям не только эффективности, но и «справедливости» (Блауг, 1994: 395, 397).

Со своей стороны, внеуниверситетская марксистская политическая экономика повела партийную борьбу с «буржуазной апологетикой» и с различными «ревизионистскими» и компромиссными течениями в социализме, которые отказывались от стремления видеть в нём «науку», от противопоставления «пролетарской» и «буржуазной»

политэкономии, и даже ужасались тому «хладнокровию, с которым последователи Маркса смотрят на катастрофы неизбежной революции» (Gide C. & Rist C., 1909: 591, 210).

«Примирения» между либерализмом и социализмом, на которое рассчитывал лидер ревизионистов Э. Бернштейн, в начале XX в. не состоялось. Начавшийся ещё в начале XIX века (когда индустриальное общество лишь формировалось в северо-западном сегменте Европы), раскол в политической экономике продолжался и в период «полного торжества индустриализма» (Зелигман, 1908: 108). Что неудивительно, так как в этот период даже университетские экономисты не могли не признать, что «самой характерной чертой новейшей экономической эволюции можно считать постепенную замену мирной торговой конкуренции кровавыми войнами и лязгом оружия» (Зелигман, 1908: 125). И если «неоклассика» заслонялась от этой действительности своими гладкими моделями конкурирующих предпринимателей и потребителей, стремящихся к максимизации удовольствий (Гэлбрейт, 1986: 42), то марксистская политэкономия спешила увидеть в новой «финансовой» стадии капитализма обострение как противоречий промышленной конкуренции, так и рабочего вопроса до такой степени, что разрешение представлялось лишь в революционной форме (Гильфердинг, 1959: 410).

Литература

1. Бармин А.Г. (1931). Изобретение Гемфри Поттера. М.: Огиз.
2. Блауг М. (1994). Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело.
3. Богданов А.А. (1906). Из психологии общества. 2-ое изд., доп. СПб.: Электротпечатня «Дело».
4. Вольский Ст. (1930). Идея планирования в прошлом и настоящем. Кн. 2. Социальные мыслители XVI-XIX вв. М.: Планхозгиз.
5. Гильфердинг Р. (1959). Финансовый капитал. М.: Соцэкгиз.
6. Гловели Г.Д. (2011). А. Корсак – первый русский экономист-компаративист // Вопросы экономики. № 7. С. 62-78.
7. Гловели Г.Д. (2015). Лабиринты политической экономии // Вопросы политической экономии. № 1. С. 73-81.
8. Гловели Г.Д. (2017). Н.П. Огановский: закономерность аграрной эволюции и проблемы формационного подхода // Вопросы политической экономии. № 2. С. 38-52.
9. Гэлбрейт Дж.К. (1986). Жизнь в наше время. М.: Прогресс.
10. Зелигман Э. (1908). Основы политической экономии. СПб.: тип. т-ва "Обществ. польза".
11. Изложение учения Сен-Симона. (1961). М.: Изд-во АН СССР.
12. Ингрэм Дж. (1897). История политической экономии. С доп. А.Н.Миклашевского. М.: изд. К.Т.Солдатенкова.
13. Кареев Н.И. (1900). Социология // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. П /т. 61. С. 305-309.
14. Кулишер И.М. (1908). Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе. Том 2. СПб.: Тип.-Лит. А.Г. Розена.
15. Левитский В.Ф. (1914). История политической экономии в связи с историей хозяйственного быта. Харьков: тип. фирмы «А. Дарре».
16. Манту П. (1937). Промышленная революция XVIII столетия в Англии. М.: Соцэкгиз.
17. Марков И.Г. Ж.Б. Сэй (1929). (ЖЗЛ). М.: Московский рабочий.
18. Маркс К. (1959). К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Том 13. С. 1-167. М.: Политиздат.
19. Маркс К. Капитал (1960). Том 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Том 23. М.: Политиздат
20. Маркс К., Энгельс Ф. (1962). Сочинения. Том 29. М.: Политиздат.
21. Маркс К., Энгельс Ф. (2007). Первая программа Союза коммунистов. «Манифест коммунистической партии» в контексте истории. М.: ВИУ.
22. Миклашевский А.Н. (1909). История политической экономии. Философские, исторические и теоретические начала экономии XIX века. Юрьев-Дерпт. Тип. К. Матисена.
23. Милютин В. А. (1847). Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции // Отечественные записки. Том I. Отдел II.
24. Покровский С.А. (1947). Внешняя торговля и внешняя политика России. М.: Международная книга.
25. Пушкин А.С. (1977). Собрание сочинений в 10 томах. Том VII. М.: Художественная литература.
26. Рязанов Д.Б. (1922). Оуэн и Рикардо // Под знаменем марксизма. № 4.
27. Семенов Ю.И. (1999). Философия истории. М.: Старый сад.
28. Сен-Симон К.А. (1923). Собрание сочинений. М.-Пг.: Госиздат.
29. Сисмонди С. де. (1937). Новые начала политической экономии. Том II. М.: Соцэкгиз.
30. Соболев М.Н. (1898). Политическая экономия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. П /т. 47. С. 305-312.

31. Степанов Т.Ф. (1844). Записки о политической экономии. Санкт-Петербург: тип. Олехина.
32. Сэй Ж.Б. (1896). Трактат политической экономии. М.: изд. К.Т. Солдатёнова.
33. Филиппов М.М. (1897). Социологическое учение Карла Маркса // Научное обозрение. № 1. С. 64-80; № 2. С. 40-67; №3. С.72-100; № 4. С. 16-35.
34. Хайек Ф.А. (2011). Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум.
35. Хайлбронер Р. (2008). Философы от мира сего. М.; КоЛибри.
36. Хвостов В. М. (1917). Социология. Ч. 1. М.: изд. Московского научного института.
37. Хобсбаум Э.(1999). Век капитала. 1848-1875. Ростов-на-Дону: «Феникс».
38. Шелли П.Б. (1903). Полное собрание сочинений. Том 1. Санкт-Петербург: Знание.
39. Blanqui J.-A. (1837). Histoire de l'économie politique en Europe depuis les anciens jusqu'à nos jours . Tome Premier. Paris: Guillaumin, Libraire-éditeur.
40. Gide, C. & Rist, C. (1909). Histoire des doctrines économiques depuis les physiocrates jusqu'à nos jours. Paris: L. Larose & L. Tenin.
41. Peaucelle J.-L. (2005). Raisooner sur les épingles, l'exemple de Adam Smith sur la division du travail // Revue d'Economie Politique. Vol. 115 No. 4. P. 499-519.
42. Smith A. (1776). An Inquiry Into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. London. Printed for W. Strahan and to T. Cadell in the Strand.

Georgy D. Gloveli ⁷

Industrialism and Dividing Lines in Political Economy⁸

References

1. *Barmine A.G.* (1931). The Invention of Humphrey Potter. (in Russian).
2. *Blanqui J.-A.* (1837). Histoire de l'économie politique en Europe depuis les anciens jusqu'à nos jours. Tome Premier. Paris: Guillaumin, Libraire-éditeur.
3. *Blaug M.* (1994). Economic theory in retrospect. M.: Delo. (in Russian).
4. *Bogdanov A.A.* (1906). From the Psychology of Society. 2nd ed., SPb.: Electric printing "Delo". (in Russian).
5. *Filippov M.M.* (1897). Sociological Doctrine of Karl Marx // Nauchnoe obozrenie. No. 1. S. 64-80. No. 2. S. 40-67. No. 3. S. 72-100. No. 4. S. 16-35. (in Russian).
6. *Galbraith J.K.* (1986) A Life in Our Times. M.: Progress. (in Russian).
7. *Gide, C. & Rist, C.* (1909). Histoire des doctrines économiques depuis les physiocrates jusqu'à nos jours. Paris: L. Larose & L. Tenin.
8. *Gloveli G. D.* (2011). A. Korsak — the First Russian Comparative Economist // Problems of Economics. No. 7. S. 62-78. (in Russian).
9. *Gloveli G. D.* (2015). Labyrinths of Political Economy // Questions of political economy. No. 1. S. 73-81. (in Russian).
10. *Gloveli G. D.* (2017). N.P. Oganovsky: the Pattern of Agrarian Evolution and the Gaps of the Formation Approach // Questions of political economy. No. 2. P. 38-52. (in Russian).
11. *Hayek F.A.* (2011). Individualism and Economic Order. Chelyabinsk: Socium. (in Russian).
12. *Heilbroner R.* (2008). The Worldly Philosophers. M. ; CoLibri. (in Russian).
13. *Hilferding R.* (1959). Finance Capital. M: Socekgiz. (in Russian).
14. *Hobsbaum E.* (1999). The Age of Capital. 1848-1875. Rostov-on-Don: Phoenix. (in Russian).
15. *Inghram J. K.* (1897). A History of Political Economy. M.: K.T. Soldatenkov. (in Russian).
16. *Kareev N.I.* (1900). Sociology // Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron. S / v. 61. P. 305-309. (in Russian).
17. *Khvostov V. M.* (1917). Sociology. Part 1. M. : ed. Moscow Scientific Institute. (in Russian).
18. *Kulisher I.* (1908) Evolution of Return on Capital Due to Development of Industry and Commerce in Western Europe. . Vol. 2. S.-Pb.: A.G.Rozen. (in Russian).
19. *Levitsky V.* (1914) A History of Political Economy Relative to History of Economic Life. Kharkov (in Russian).
20. *Mantoux P.* (1937) The Industrial Revolution in the 18th Century in England. M. : Sotsekgiz. (in Russian).
21. *Markov I.G.* (1929) J.B. Say (LRP). M. : Moscovskij rabochij. (in Russian).

⁷ **Georgy D. Gloveli**, Doctor of Economics, Professor of National Research University «Higher School of Economics», Head of Center of Institute of Economics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

⁸ **Keywords:** Industrialism, classical political economy, liberal optimism, English Orthodoxy, Manchesterism, critical direction, Saint-Simonism, Marxism, historical school.

22. *Miklashevskii A.N.* (1909) *A History of Political Economy*. Yuriev – Derpt: K. Matisen. (in Russian).
23. *Milyutin V.A.* (1847) *Proletarians and Pauperism in England and France // Otechestvennye zapiski*. Vol. L. Division II. S. 1-70. (in Russian).
24. *Marx K.* (1959) *A Contribution to the Critique of Political Economy // Marx K., Engels F. Collected Works*. Vol. 13. M.: Politizdat. (in Russian).
25. *Marx K.* (1960) *Capital*. Vol. 1. // *Marx K., Engels F. Collected Works*. Vol. 23. M.: Politizdat. (in Russian).
26. *Marx K., Engels F.* (1962) *Collected Works*. Vol. 29. (in Russian).
27. *Marx K., Engels F.* (2007) *The First Program of the Union of Communists. "Manifesto of the Communist Party" in the context of history*. M.: VIU. (in Russian).
28. *Peaucelle J.-L.* (2005) *Raisonneur sur les épingles, l'exemple de Adam Smith sur la division du travail // Revue d'Economie Politique*. Vol. 115 No. 4. P. 499-519.
29. *Pokrovsky S.A.* (1947) *Foreign Trade and Foreign Policy of Russia*. M.: Mezhdunarodnaya kniga. (in Russian).
30. *Pushkin A.S.* (1977) *Collected Works in 10 volumes*. Vol.VII. M.: Khud. Lit. (in Russian).
31. *Ryazanov D.B.* (1922) *Owen and Ricardo // Pod znamenem Marxizma*. No. 4.
32. (in Russian).
33. *Saint-Simon K.A.* (1923) *Collected Works*. M.-Pg.: Gosizdat. (in Russian).
34. *Say J.B.* (1896) *A Treatise of Political Economy*. M.: K.T. Soldatyonkov. (in Russian).
35. *Semenov Yu.I.* (1999) *The Philosophy of History*. M.: Old Garden. (in Russian).
36. *Seligman E.* (1908) *The Principles of Economics*. SPb.: type. t-va "Obschestvennaya pol'za". (in Russian).
37. *Shelley P.B.* (1903) *Full Collected Works*. Volume 1. St. Petersburg: Znanie. (in Russian).
38. *Sismondi S. de.* (1937) *New Principles of Political Economy*. Volume II M.: Sotsekgiz. (in Russian).
39. *Smith A.* (1776) *An Inquiry Into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. London. Printed for W. Strahan and to T. Cadell in the Strand.
40. *Sobolev M.N.* (1898) *Political Economy // Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary*. S / v. 47. S. 305-312. (in Russian).
41. *Statement of the teachings of Saint-Simon* (1961) M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (in Russian).
42. *Stepanov T.F.* (1844) *Notes on Political Economy*. St. Petersburg: Olkhin's typ. (in Russian).
43. *Volsky St.* (1930) *The idea of planning in the past and present*. Vol. 2. *Social thinkers of the XVI-XIX centuries*. M.: Plankhozgiz. (in Russian).